

УДК [378.016:81'221.24]-057.875-056.264

**АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АСПЕКТА ПОДГОТОВКИ СУРДОПЕДАГОГОВ
В ОБЛАСТИ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА**

М. Д. Титовец

*УО «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»;*

Минск (Республика Беларусь)

Науч. рук. – И. К. Русакович, к.п.н., доцент

**ANALYSIS OF THE LINGUISTIC
ASPECT OF THE TRAINING OF SIGN LANGUAGE
TEACHERS IN THE FIELD OF SIGN LANGUAGE**

M. D. Titovets

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank;

Minsk (Republic of Belarus)

Scientific adviser – I. K. Rusakovich PhD in Pedagogy, Associate professor

В структуре профессиональных компетенций сурдопедагогов важное место занимает овладение жестовым языком для коммуникации с неслышащими детьми и их родителями, а также использования как коррекционно-развивающего средства обучения. В статье описаны результаты экспериментального изучения содержания и особенностей усвоения лингвистики жестового языка будущими сурдопедагогами.

In the structure of professional competencies of sign language teachers, an important place is occupied by the mastery of sign language for communication with deaf children and their parents, as well as use as a correctional and developmental learning tool. The article describes the results of an experimental study of the content and features of the acquisition of sign language linguistics by future sign language teachers.

Ключевые слова: компетенции; жестовый язык; лингвистические особенности.

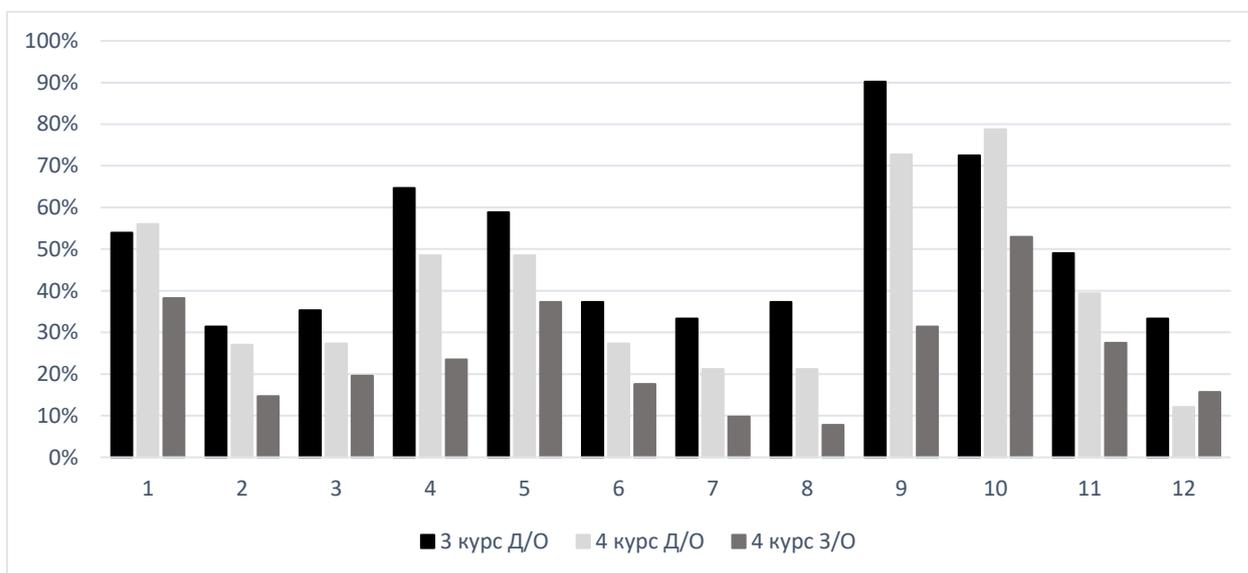
Keywords: competencies; sign language; linguistic features of sign language.

Специалисты, работающие с неслышащими и слабослышащими людьми, должны ориентироваться в языковой ситуации и культуре сообществ глухих, понимать особенности их коммуникативного поведения, обеспечивать эффективное межкультурное взаимодействие между макросоциумом слышащих и микросоциумом неслышащих. Поэтому овладение жестовым языком как средством общения с обучающимися и их родителями с нарушением слуха, а также в целом как коррекционно-образовательным средством – важная и специфическая задача сурдопедагога.

В 2022 году принят закон «О правах инвалидов и их социальной интеграции», в котором отражается принятие нашим государством белорусского жестового языка, как национального, сформировавшегося с учетом территориальной принадлежности и культуры в Республике Беларусь [1].

Какие в белорусском жестовом языке существуют особенности лексики и грамматики? Как их можно сопоставить с закономерностями словесного языка и грамотно применять в речевом потоке, в понимании и осмыслении слов? Для ответов на эти вопросы нами был проведен анализ существующих программ обучения в специальной школе: «Развитие жестовой речи» (коррекционный компонент 1–5 классы) и «Жестовый язык» (учебный компонент 6–12 классы). И в результате выделено 12 групп лингвистических особенностей: конситуативность, многозначность, аналитический характер жеста, смысловые парадигмы, передача множественности, принадлежности, временных отношений, качества и его степени, пространственные, субъектно-объектные отношения, выражение отрицания и обозначение рода. Содержание каждой группы включает специфические способы выражения лексических и грамматических отношений в жестовом языке [2, с. 38–64; 3].

На диаграмме представлены данные изучения вышеназванных групп лингвистических особенностей студентами специальности «Сурдопедагогика» 3 и 4 курса дневной и заочной формы обучения (Рис.1).

Рис.1 - Показатели сформированности лингвистических знаний в области жестового языка

В нашем исследовании 45 респондентам предлагались 42 фразы для перевода на жестовый язык (по три примера на каждую из 12 групп

лингвистических особенностей, структурированных в результате изучения программных требований).

В первой группе, обозначенной нами как *конситуативность*, особенность выражается в том, что смысл жеста определяется контекстом. Например, *'глубокая ночь – глубокое озеро'*. Смысл глубины в двух словосочетаниях воспроизводится разными способами. В основном участники эксперимента в первом случае использовали перифразы, например, [очень тёмная ночь] или [очень поздняя ночь]. Во втором случае – пространственный жест [глубокий] или [большой]. Нами было обнаружено более 30 речевых конструкций, в которых слово «глубокий» переводится в каждом случае разными жестами (глубокий снег, глубокий вырез, глубокие морщины, деревня «Глубокое» и т.д.).

Следующая лингвистическая группа – *многозначность жеста* – это объединение нескольких значений с общим смыслом, которое также конкретизируется в контексте. Например, *'Папа починил уют – Родители воспитывают детей'*. В обоих речевых ситуациях может быть использован многозначный жест *'вносить коррективы, изменения во что-либо, воздействовать на кого-либо'*. Только 24% испытуемых продемонстрировали эту особенность в контексте [воспитывать / чинить]. Остальные неточно перефразировали высказывание и привели неправильный перевод.

Аналитический характер жеста проявляется в передаче понятий: *'мебель'* совокупностью жестов [стул] + [стол] + [кровать] + [разный]. На практике данная особенность в обучении незлышащих школьников применяется для формирования жестов-эквивалентов обобщающих понятий. Треть студентов (28 %) справились с этим заданием. В единичных случаях участники эксперимента актуализировали отдельный жест [транспорт], который является правильным по смыслу, но не аналитическим по сути.

Смысловые парадигмы – это набор жестов с одинаковой формой руки (конфигурацией), объединенных общим смыслом, но отличающихся по способу исполнения. В сопоставлении с русским словесным языком эта лингвистическая особенность ассоциируется с однокоренными словами. Смысловую парадигму *'особенности взгляда'*, например, составляют жесты, которые воспроизводятся с формой руки с указательным и средним прямыми пальцами – рассматривать, исследовать, смотреть внимательно, друг на друга и др. В стимульном материале эксперимента из этой парадигмы предъявляли предложение *'Он посмотрел на меня с головы до ног'*, и 46 % испытуемых перевели его двумя жестами [он] + [смотреть]. При этом с помощью жеста [смотреть] студенты показали особенность взгляда, а именно: с головы до ног, задействуя пространство и направление движения – в этом случае перевод становился понятным и точным

по смыслу. Некоторые студенты демонстрировали калькирующий перевод этого предложения, где к каждому слову был подобран отдельный жест. Однако вариант такой презентации, как известно, может быть не доступен для восприятия и понимания неслышащим детям.

Группа *множественность* передается в жестовом языке несколькими способами. Речевой материал в эксперименте предусматривал возможность демонстрации этих способов испытуемыми, 48 % которых справились с данным заданием. Так, предложение '*В комнате было много стульев*' будущие сурдопедагоги перевели, используя двуручный жест [стул]. 5 человек из 45 обозначили при этом стулья в пространстве (как, по их мнению, могут стоять стулья). Встречались варианты дословного перевода с жестом [много]. В предложении '*В толпе я нашел тебя*' требовался другой способ – специальный жест [толпа]. И только 17 человек его знали. Все остальные либо пропускали жест 'толпа', либо обозначали его как [много людей].

Принадлежность также выражается в жестовом языке разными способами. Во фразе '*Эта книга принадлежит мне*' все студенты показали жест [моя] и не вспомнили специального жеста [принадлежит]. В высказывании '*Эти туфли подходят к брюкам*' 27% студентов пользовались жестами с одной формой руки [одинаковый, такой же, точно, встреча], не соответствующими по смыслу.

Временные отношения в жестовом языке имеют специфические обозначения в плане прошедшего (законченного и незаконченного), настоящего и будущего действий. По результатам предъявления заданий из данной лингвистической группы у студентов зафиксирован низкий показатель усвоения. Правильно осуществили перевод только 21% испытуемых. Сложность наблюдалась в том, что студенты в основном пользовались калькирующей жестовой речью, в которой фиксировали действие жестом в начальной форме и не добавляли необходимые временные значения [было], [будет], [уже], [готово] и т.д. Таким образом, не дифференцировались понятия ходил – ходить, прочитал – читать и др. При переводе предложения '*Я еще не прочитал книгу*' только 3 человека использовали специальный жест [еще не]. Остальные студенты применяли перефраз (я буду читать книгу потом) или [читать + нет].

Выполнение заданий *передача качество и его степени* требует в жестовом языке сочетания жеста-номинатива и жестов [лучше/хуже/самый]. Было обнаружено, что 14 студентов их знают. При переводе высказывания '*Этот стул удобнее*' встречались не корректные варианты перевода [этот стул удобный; стул удобный+не] или [этот стул хороший; тот стул плохой].

Пространственные отношения образуют основу лингвистики жестовых языков, в том числе белорусского [4]. С этой особенностью справились 65%

участников. Например, в предложении *‘столы стоят буквой «П»’* испытуемые воспроизвели одним жестом [стол] нужное расположение предметов в пространстве. В высказывании *‘заяц выглянул из-за дерева’* испытуемые правильно зафиксировали двуручным жестом сначала дерево (одной рукой) в пространстве, а потом – зайца (второй рукой), как он из-за него выглядывает.

Как показали данные констатирующего эксперимента, способы выражения *субъектно-объектных отношений* студенты знают лучше всего. Они правильно направляли ладони и движение от себя или к себе в зависимости от того, кому адресовано действие (если жест расположен ладонями к себе и движение к себе, то это мне кто-то рассказывает, помогает, приезжает и т.д.).

С *выражением отрицания* в жестовом языке у участников эксперимента наблюдались ошибки – в дифференциации значений жеста [нет] в качестве отсутствия и в качестве отрицания, отдельных жестов-склеек [не буду], [не хочу] и др. А при *обозначении рода* студенты затруднялись больше в дифференциации позиций мужского рода (9 из 45 обозначили без напоминания в этом случае родовую принадлежность, при этом все добавляли нужный жест [мужской / женский]), если экспериментатор задавал уточняющий вопрос.

Следует отметить, что все вышеназванные лингвистические особенности в жестовой речи постоянно актуализируются в ситуациях взаимодействия – ученик-учитель, учитель-ученик, родитель-учитель, учитель-родитель. Соответственно, их неточное и неправильное воспроизведение может усложнять коммуникацию или затруднять осмысление учебного словесного материала средствами жестового языка.

Поиск ресурсов изучения лингвистических закономерностей жестового языка показал, что на данный момент в отечественной литературе существуют в основном теоретические материалы, которые описывают особенности лингвистики жестового языка (авторы – Г. Л. Зайцева, Т. А. Григорьева, И. К. Русакович, О. Сакс и др.) [2; 3; 4; 5]. Вместе с тем результаты нашего эксперимента свидетельствуют, что для повышения компетентности сурдопедагогов в этом вопросе становится востребованной современная разработка лингвистического словаря жестового языка, в которой названные особенности можно визуализировать, зафиксировать, осмыслить в сопоставлении со словесным языком на конкретных примерах, а также, учитывая сложную визуально-пространственную природу жестового языка, подкрепить наглядностью, в том числе динамической.

Библиографические ссылки

1. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Респ. Беларусь: принят Палатой представителей 31 мая 2022г. Одобр. Советом Республики 16 июня 2022 г. – Минск : БДП, 2022. – С. 8–9.
2. Русакович, И. К. Жестовый язык и развитие жестовой речи: теория и практика: учеб. метод. пособие / И. К. Русакович. – Минск : Белорус. гос. пед. ун-т, 2023. – 204 с.
3. Русакович, И. К. Жестовый язык как знаковая система. Лингвистические особенности жестового языка // Методика развития жестовой речи: учеб.-метод. пособие. / Т. А. Григорьева, И. К. Русакович – Минск : УИЦ БГПУ, 2020. – С. 3–16.
4. Сакс, О. Зримые голоса / О. Сакс; пер. с. англ. А. Н. Аваера. – М.: АСТ, 2014. – 286 с.
5. Зайцева, Г. Л. Жестовая речь: дактилология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. Л. Зайцева. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 192 с.